

Сергий Чернец

Сочинения о рыбалке

Сергий Чернец

Сочинения о рыбалке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18515218

ISBN 9785447477363

Аннотация

Сейчас можно узнать и прочесть много рассказов и наблюдений от самих любителей такого занятия, как рыболовство. И есть среди рассказов настоящие «перлы», красивые повествования о любимом занятии. Они очень кстати подойдут для тех, кто нечасто выезжает на рыбалку, кому некогда. Они могут почерпнуть в этих любительских рассказах полезную информацию об особенностях и маленьких хитростях рыбалки. А то и просто почувствовать романтику этого полезного занятия человека – любительское рыболовство.

Содержание

Вступление	5
Часть 1. Зима	6
Часть 2. Лето	13
Аксаковское тиховодье	15
Жерлицы	20
Собачка	25
Исторические рассказы о рыбалке	30
Встречи	34
Рыбацкие чудеса	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сочинения о рыбалке

Сергий Чернец

© Сергий Чернец, 2016

© Сергий Чернец, фотографии, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Ноябрь в России всегда был осенним месяцем. Но в конце его уже вставали, покрывались льдом реки и озера. Тем самым открывался зимний сезон рыбной ловли, и для любителей и для профессионалов.

Сейчас можно узнать и прочесть много рассказов и наблюдений от самих любителей такого занятия, как рыболовство. И есть среди рассказов настоящие «перлы», красивые повествования о любимом занятии. Они очень кстати подойдут для тех, кто нечасто выезжает на рыбалку, кому некогда. Они могут почерпнуть в этих любительских рассказах полезную информацию об особенностях и маленьких хитростях рыбалки. А то и просто почувствовать романтику этого полезного занятия человека – любительское рыболовство.

Приведем несколько примеров таких рассказов. Обработав их литературно-романтически, чтобы было увлекательнее читать и легче воспринимать.

Часть 1. Зима

В студеную пору многие животные впадают в спячку: медведи, суслики, ежи.... И рыбы утрачивают свою активность в самые холода. Но перед холодами у рыб открывается жор, когда они в последний раз стараются наесться накопить на зиму жир. Даже по перволедью активность рыбы возрастает. Но в глухую пору, в самую зиму, в январе, феврале бывает затишье в активности рыбы, тогда и у рыбаков наступает плохое время. Рыба ловится мало, и ее трудно поймать.

Но перед весной вновь активность рыбы повышается и по последнему льду у рыбаков благодатное время наступает. А вообще любители идут не за самой рыбой, но прежде всего на природу, любоваться и наслаждаться ее красотами.

«Природа радует глаз. С первыми и серьезными инистыми утренниками, когда воздух останавливался, был знобко-студеным и пах зимой, – в лужах уже стекленело высокое задумчивое небо.

Под ногами потрескивал первый ледок на лужах. По нему, прозрачному, шуршала снежная пыльца. Солнце поднималось в эту пору еще яркое, но малиново-красное, злое с первого румяного мороза.

Еще золотые и багряные, лиственные рощи, уже замер-

ли в тихом изумлении-испуге. Наступили последние их дни. Рябины, и даже клены и отдельные тонкие осинки, прячущиеся среди рослых рябиновых стволов, были сочно-красны от ягод. Но на открытых местах листва осинок дрожала на ветру золотыми монетками, чуть ли не звеневшими от резких порывов ледяного северного ветра. И яркие клены, на открытых пространствах были выстужены, блеклы и тоже золотисты. Березы кое-где еще желтели, но в лугах и редких перелесках не выдерживали испытания приходящими ветрами и были уже уныло голыми.

Таково бывает предзимье.

После каждой морозной ночи закраины на реке становились толще, хотя середина реки – стрежень, был черно открыт и парил от быстрой воды, бегущей со звоном вдоль хрупкого стеклянного льда закраин.

Некоторые мелкие озера уже покрылись льдом полностью, встали наглухо. Лед на этих озерах, в тихих заливах был прозрачен, и под ним можно было видеть стайки полосатых окуньков, в испуге прыскающих от неосторожно-громкого шага. На открытой озерной шире махрился легкий иней по поверхности льда, который во всех направлениях исчертили следы торопливых рыболовов. Сезон был открыт.

Так красиво, прямо красочно, дает описание перволедья один из рыбаков любителей.

И так же красиво описывается сам процесс рыбной ловли весной, по последнему толстому льду:

«В свое время, в пору легкомысленной и азартной молодости, когда нам случалось ночевать на льду в ожидании судака или щуки, – от нечего, казалось бы, делать, мы ловили сорогу (плотву) прямо у костра под звездным небом. Костер горел на берегу у самой кромки ледяной реки, освещая нам лунки, просверленные в метре-двух от него.

В палатке нам было скучно, тесно и не раздольно, в шалом хмеле и восторженности, от запаха и вкуса наступающей весны. Весеннее время самое, наверное, удачное время в ловле сороги по «закрытой» воде. Поскольку с поступлением под лед первой талой воды рыба начинает брать насадку жадно и крупнотайно. Нередко она скапливается в близости от устьев рек и ручьев в достаточно большом количестве, хотя стаи эти бывают, мимолетны и непостоянны в одном и том же месте. Сорога (плотва), «опьяневшая» от свежей воды и обилия солнечного света, двигается уже много и быстро.

Ночью сорога брала не часто, но иногда кивок стоящей у лунки удочки вздрагивал и плавно поднимался вверх. И тогда на леске висла сонная рыбина, упруго тяжелая и несогласно изумленная. Толчками, поднимаясь с глубины, она, опомнившись, взрывалась яростью под лункой, но, взятая рукой, остывала уже на льду. Алые плавники шуршали

по снежной крошке, а в серебристой живой чешуе мерцали лунные блики...».

Романтика!!! Пришел, увидел, победил! Эврика!

Человек открывает для себя природу с новой неизвестной ему стороны. От этого проходят и излечиваются многие недомогания и болезни души человека. Человек словно подзаряжается энергией жизни. А всего лишь возврат к прошлому, когда пещерные люди жили с природой заодно.

Нынче и снасти очень тонкие и рыба вроде бы поумнела. «Несмотря на весеннюю азартную злость и жадность, сорога, особенно крупная, тем не менее, осторожна. В местах относительно мелких снасть должна быть по возможности миниатюрной. То есть, сочетание некрупных мормышек из тяжелых металлов (свинца и вольфрама) с тончайшей свежей и прочной леской – залог успеха в ловле этой миловидной рыбы.

Однажды на Волге (как начинаются все рассказы). В местечке, называемом «Тополя», на глубине шести-семи метров волжского залива, вырытого земснарядом, – нашел я стаю крупной сороги. И в течение почти всего светового дня вываживал с одной лунки рыбину за рыбиной, с перерывом «на обед».

Обузившие меня вокруг рыболовы, ловили реже и бо-

лее мелкую сорожку. Попад, видимо, на уловистое место, я все же мучился со своей легкой оснасткой, – долго опускаю малую белую «дробинку» на изрядную глубину. К тому же мормышку поднимало пусть и небольшим течением, и я никак не мог зафиксировать длину лески, поскольку глубина «плавала». Дно словно приподнималось и опускалось. Но когда я поставил более крупную белую «шаровидную», поклевки становились реже, а потом прекращались. Не помог и крючок-«заглотиш», подвязанный выше. Сорога почему-то вспылала любовью и аппетитом к невзрачной белой маленькой «дробинке».

Наслышанный о ловле сороги на приманки без насадки, сколько ни пытался я дразнить ее кембриками на крючке, проволочками, бусинками и т. д. – толку не было. И решил я оставить это дело искушенным спортивным рыболовам. Для себя же я вывел правило: на глубине – тяжелая цветная мормышка внизу, и легкая светлая, лучше серебряная – сверху. На мели другое: tandem мелкой светлой мормышки с крючком. Насадка – мотыль полукольцом или его головка на верхней мормышке, на нижней – пучок из двух-трех мотылей. Все это можно сочетать с личинками репейной моли или чернобыльника. Игра мормышки должна быть плавной, с остановками.

Главное все же, на мой взгляд, – миниатюрность снасти».

Вот ведь, большой наукой стала – эта рыбная ловля совре-

менная. Возможно потому, что и рыбы стало меньше в наших реках....

Раньше было проще. Даже из рассказа Паустовского можно узнать, как просто ловили раньше рыбу.

««В лугах (где были мелкие озера) появился растрепанный и безобидный старик. Он ходил с метелкой, с огромным корнем сосны, похожим на кузнечный молот, и с сачком.

– Чего делаешь, дед? – спросил я его, когда встретил в первый раз.

– Рыбу колочу подо льдом, по лужам, – признался старик и застенчиво усмехнулся.

– А метелка тебе для чего?

– Это я снег со льда счищаю. Он покуда еще не примерз. Счистишь, взглядишься и, ежели под берегом стоит язь либо щука, – тут и надо бить. Только шибко, во весь дух, чтобы рыба брюхом вверх перекинулась. Тогда подламывай лед и хватай ее руками, покуда она не очухалась.

– Много рыбы набил нынче?

Дед отвернулся, покашлял.

– Да нет... Ничего, почитай, не набил. Лед больно тонок. Боюсь провалиться. Вот лед окрепнет, сюда язи поднапрут. Я сам видел язей, во каких – на восемь кило, не меньше.

Перевозчик Сидор Васильевич рассказал мне, что старик этот ходит целый месяц, (каждый год) а рыбы почти не приносит – уж очень стар, куда ему такой охотой заниматься».

Такой охотой с колотушкой по перволедью ходят и на наших озерах и сегодня. Интересно, но не перспективно, рыба сейчас мало стоит у берегов подо льдом. Все больше снастей разработала цивилизация.

Но рыбная ловля не только забава для человека или увлечение детское. По мелочам узнает человек много интересного. И главное в общении с людьми единомышленниками. В общении человек узнает, как клюет рыба, где надо ее искать и еще что-либо в этом роде, но вокруг этих рыбацких мелочей накапливается столько разговоров: встреч с людьми, всяких случаев и наблюдений природы. Так что мелочи приобретают гораздо большее значение, чем мы думаем.

Часть 2. Лето

Летняя пора имеет свои особенности. Во-первых, коротки летом ночи. Едва отгорит вечерний закат багрово-алой звенью, а звенят многочисленные комариные рои, предвещающая завтрашний солнечный день. Притихают на время птицы, останавливается и затихает ночная темная вода, даже иссиня-черная, придавленная сумерками. Но быстро открывается восток неярким светом, словно умытый лик приходящего всегда и постоянно Начала-начал.

И с этим теплым светом проявляются цвета и звуки. Вновь шелестит середина текущей реки. А веснушчатая от желтых кубышек, закраина реки подергивается седым туманом, лениво ползущим с росных лугов.

Проходит короткое время ночи... и утро вступает в свои права. Пепельно-серый и вялый туман вдруг становится прозрачным и под первыми лучами солнца, озолотившись, рассеивается по всей реке.

Вздохнул ветер, и туман заскользил над парной водой легко и свободно. В глубоком омуте, в его круговерти шлепнул, вдруг, торопливый хвост, а потом ударил уже гулко и тяжело, пуская круги по зеркальной воде. Кто это? Золотой крутобокий лещ, поднявшийся к поверхности в игривой истоме? А может, нежная русалка-берегиня (из древних сказаний об омутах с круговоротом), вдруг, всплеснула в сонном

испуге, сторонясь пучеглазого старика водяного?.

«Кк-ва, кквак!» – утробно отозвалась под берегом всполошенная лягуха. И как по команде, взрывается лягушачий хор, отчаянно и резко со всех сторон....

Эти резкие звуки на время нарушают утреннее безмолвие. Потом бывает затишье. Но вот слышится птичий пересвист, голос тоскующей кукушки вдалеке. И утро шумное просыпается гомоном птиц и зуммером насекомых – тысячи комаров загудели в лучах утреннего солнца.

Не часто в наше время встречает человек такое романтическое утро, а если доведется, – то наслаждения для души хватит с избытком. В эти тихие мягкие дни и ночи, когда соприкасаются вечерние и утренние зори – хорошо быть у реки на природе.

И всегда здесь случаются памятные истории, они вроде бы самые обыкновенные, но, тем не менее, остаются надолго и так близки сердцу при воспоминании. Особенно потом, когда приходят серые дни падающих снегов и лютая злость морозов. Незатейливые картинки простых этих историй так по душе вспоминать в долгие зимние вечера.

Аксаковское тиховодье

Раньше я часто приезжал на это место к большому омуту недалеко от устья реки впадающей в Волгу. Всех снастей у меня было: одна удочка-телескоп и три донки. Весной во время цветения шиповника по берегам стариц бывал необычный ход рыбы и без богатого улова я не оставался. Правда, ездили мы всегда с товарищами. А в этот раз я приехал один в самую жару лета.

Жара – это такое время.... У снастей сидеть на солнцепеке – как добровольная пытка. И вода, словно стекло: ни морщинки от ветра, да хоть бы небольшой ветерок и то мечта. Искупаешься – и, кажется, что заново оживаешь: посвежеет голова, с нее спадает вязкая хмарь, легче начинаешь двигаться, и вроде самое время вернуться к удочкам. Но проходит полчаса, а то и меньше, и опять наваливается душная одурь, когда хочется послать все... и уехать домой.

Как обычно, я ставил, втыкая в песок вицы, вырезанные из тальника. Они служили моим донкам вместо кивков. Насаживал мочку навозных червей и опарышей на крючки одной донки, грушку тугой манки на другую донку. А сам садился неподалеку около коряги с поплавочной удочкой и поглядывал на гибкие вершинки донок, где подрагивали, оживляемые течением, колокольчики. Вскоре один из колокольчиков непременно встряхивался, коротко звякнув. Вершин-

ка донки прогибалась по течению, осаживалась и начинала биться резкими толчками. Подбежал, подсечка. И на леске сверкал солнечным серебром тугой и резкий небольшой подлещик. Он был теплый, как и вода, пах свежестью речных струй и травой шелковицей зацепившейся под берегом. А потом начинал биться колокольчик другой донки. На крючке уже сидела красноглазая сорожка-плотвичка.

Иногда я менял насадку. Я насаживал на крючок кубики ржаного или белого хлеба, вначале протыкая корку, а затем сквозь мякиш обратно в корку пряча жало. Тогда удилище донки могло прогнуться по всей длине. Это брал язь. Он неохотно выходил на поверхность и бился прыжками и ударами в каскаде серебряных брызг. Это после весны так всегда клевало, вначале лета.

А в тот раз я приехал заранее, заночевать на берегу две ночи. В пятницу после работы на предпоследнем автобусе я выехал из города. И на берег, к воде я пришел почти ночью, пешком от остановки надо было пройти около пяти километров. И вот я подходил к месту на зыбкой границе ночи и начала молодой утренней зари. А подходя к месту, вдруг слышал я необычный шум в тихой заводи. Я замер от странных звуков, идущих от реки. словно звонкое причмокивание и чавканье слышалось из зарослей прибрежных кувшинок. Мне показалось, что я вижу, как шевелятся листья на воде, а может быть, это был обман зрения и лишь теплый воз-

дух струился над рекой. Я долго тихо сидел у воды, не разматывая удочек, и убедился, что речные «поросята» – это не фантастика, а вполне реальные создания. В траве время-
нами слышались мягкие шлепки, и кувшинки словно раз-
двигались чьими-то крепкими телами.

Когда стало светать, я разделся и зашел в теплую воду – поплыл к месту, где явно жировала какая-то крупная рыба. Перевернув несколько листьев кувшинок, я обнаружил на нижней стороне множество всякой всячины: пиявок каракатиц и других насекомых и личинок. Набрал я этой всячины в полиэтиленовый пакет. Вернулся на уже освещенный солнцем берег.

В этот раз донки мои остались неразмотанные. А ловить я начал исключительно на поплавочную удочку. Вскоре на воде качался поплавок из гусянова пера. Длины шестиметровой моей удочки хватило как раз до края кувшинок. Здесь в заливчике не было никакого течения, то самое аксаковское тиховодье, неизвестное и неисследованное.

А насадкой у меня в этот раз служили те самые пиявки и букашки, посаженные на крючок вместе с червями, потому что были малы.

Впрочем, с насадками я экспериментировал, чередовал свои странные наборы: маленьких букашек подсаживал к навозным червям.

Любуясь на теплый свет зари, который уже разлился на тихую воду, чавканья подводных поросят я в это утро

не слышал. Наверное, рыба ощущала мое присутствие, как я не старался быть осторожным. Но в оконцах среди листов кувшинки поднимались дорожки пузырей. Пузыри проходили и около моего поплавка.... Вот, поплавок качнулся, словно его задела маленькая рыбка-верховка. На какой-то миг поплавок приподнялся, пуская круги по воде, а потом лег на бок. Я машинально схватился за комель удилища.... Рано... рано.... А сердце забилося сильнее, падая куда-то и замирая, и «приказывало» – пора! Но разум твердил – «рано».... Этот момент самый замечательный в рыбной ловле, момент переживания и действия адреналина....

Вот, поплавок медленно приподнялся снова и, покачнувшись, поплыл по лопушистый лист, медленно погружаясь. А вот теперь было пора. Подсечка!

И замерли птицы, погасла заря, и мир окружающий стал одной властной силой, – сосредоточившейся там, в глубине реки, где тяжело и упруго остановилась у дна рыба. Несогласная плыть на поверхность, она толчками гнула удилище, но затем ослабела и всплыла среди золотистых кувшинок. Теперь, и сам золотой, как и солнечные кувшинки, на поверхности лежал лещ, и сонно поводя хвостом, плыл на берег, куда его тянула моя леска. Только у самого берега он спохватился и взорвался в бурунах и пене, и вновь успел погрузиться и отойти на недалекую глубину. В это время я успел взять подсачек свободной рукой и подвел его под рыбу. Лещ провернулся в нем, наматывая сетку на себя, и в по-

следний раз ударил по воде....

Эти большие лещи брали редко, но с надежным постоянством. Успел я вытащить второго, и ждать пришлось дольше, взбаламученная вода спугнула на время рыбу, а после четвертого – пришел момент, когда поплавок окончательно замер в тоскливо остекленевшей воде под жарким солнцем. Стрекоза спокойно сидела на нем, словно знала, что опора под ней теперь незыблема....

На следующее утро, едва забрезжил рассвет, я был снова на тихой заводи и вылавливал золотистых лещей.

Такие места аксаковской природы еще существуют по малым рекам нашей родины. И не надо ими пренебрегать. Непременно посетите их с рыбалкой.

Конец.

Жерлицы

С ледоставом я решил поехать на места летней рыбалки. На малую речку. Но рыбачить не на самой реке, а на старице. Там видимо били родники и из леса в старицу втекал большой ручей.

Долго, полдня добирался я до места, а там и на ночлег пора было устраиваться в лесу. Поселок был на другой стороне реки и достаточно далеко. Так что на ночь я выбрал себе небольшую ямку на берегу, чтобы не дул ветер. В лесу, тут же неподалеку набрал валежника. Расчистил снег почти до земли и устроил костер. Сходил и на место будущей рыбалки посмотреть. Мороз был небольшой. И ручей совсем не замерз. Так что по всей старице в середине был тонкий лед с промоинами. Увидим завтра, решил я в быстро пришедших сумерках.

С собой я взял с десятков жерлиц, специально для этого оборудованных мной. Эти жерлицы у меня были оснащены легковесно – под малую речку, озерцо или пруд. Чаше сезон начинается именно с небольших водоемов, замерзающих в первую очередь. Как правило, хищник в таких водоемах юркий и не тяжелее килограмма. Поэтому толщиной лески я не увлекался и поводки стальные не ставил. Вместо тройников, которыми оснащаются волжские жерлицы, я использовал небольшие двойнички. Они предпочтитель-

нее там, где много некрупной щуки. Меньше бывает пустых хваток и срывов живца. Грузила тоже не тяжелые – небольшие «оливки». Их веса вполне хватает, чтобы вытянуть леску в прямую линию, течение небольшое их не стаскивает. Словом снасть миниатюрная, как раз под рыбу малой реки. По крайней мере, мне так думалось.

С утра решил я сесть в заливчике с мормышкой, за живцом, на границе струи ручья и ямки под берегом. Бур проваливался почти сразу под нетолстый лед. Но проверив лед топориком, решил считать его более или менее надежным.

Поклевка случилась сразу. На «бутерброд» из чернобыльника и мотыля взяла сорожка меньше ладошки. На живца крупновата, но я положил её в «канну» с теплотой на душе: вот тебе и речка-ручеек! Потом кивок затрясся от поклевки совсем мелкой сорожки, как раз для живца, так что «канна» моя быстро наполнялась. А через полчаса я уже пошел выставлять первые жерлицы.

Часам к девяти утра на повороте старицы, под небольшой крутизны берегом, на яме с обратным течением, выстроились десяток моих жерлиц.

Прояснило. Легкий морозец пощипывал нос и щеки, сквозь морозистую дымку проглянуло солнце. Светло и приветливо пыталось согреть замерзшую землю. Тепла от него было мало, но все равно потеплело на душе. Береговые кусты ивняка, мохнатые от инея, светились в солнечных лучах.

И тут звук, который радовал и волновал.... Щелк! В морозной тишине хорошо был слышен щелчок пружины с флажком. Над жерлицей, стоящей под самым обрывом, вскинулся алый кусочек ткани, трепеща на маленьком ветерке. И тут я заскользил по гладкому льду. Не подходя слишком близко, остановился и наблюдал. Катушка жерлицы вздрогнула и сделала пару оборотов. Затем замерла.

Пауза явно затягивалась. «Бросила, наколовшись о крючок, или сорвала живца? – подумал я в ожидании. Наконец, не выдерживаю и подхожу. Берусь за леску и потихоньку, не торопясь, тяну ее на себя. Леска вначале идет свободно, но вдруг я ощущаю толчки. Не резко, но довольно энергично я делаю подсечку.... Есть! И здесь уже не до церемоний. Медлить нельзя, иначе сорвется, если слабо засекалась. Быстро перебираю руками и выбрасываю на лед щуренка граммов на 800. Это, в общем-то, удачный дебют, хоть добыча и не крупная.

На Волге бывает, щука по перволедью со свистом раскручивает катушку. А на малой реке свой характер: неторопливый. Как задумчивы и неторопливы и спокойны эти безлюдные места. Кружит лишь пара воронов, шелестит в низкорежье сухой камыш, и бегут черные струи ручейка, не успевшие замерзнуть.

Следующая хватка случилась в классический «час щуки», – в одиннадцать. Но тут не было у меня времени на раздумье – проглотит, не проглотит. Катушка закрутилась без-

остановочно, и вмиг леска с нее была смотана. Пока я бежал к жерлице, она дернулась, упала и замерла поперек лунки. Я достал лишь обрывок лески, привязанный к катушке.

Вот тебе и малая речка, сонная старица в ленивых берегах! Вот тебе и щурята-шнурки с полкило! Надо было помудрить со снастями и поставить что-то более универсальное. Основная масса рыб здесь все-таки небольшая, не крупных габаритов. Но бывает выход и таких здоровенных «крокодилов». Грубую снасть щурята начнут обходить, а крупная щука разнесет в клочья миниатюрные мои снасти. Надо было искать золотую середину.

До полудня на жерлицы попалась еще одна щучка небольшая, а потом все замерло. И до вечера ни одной поклевки не было.

День в это время короткий, и я пошел устраиваться на ночлег. Соорудил себе нары из натасканного лапника. Дашь романтику зимней ночи посреди зябкого леса и у спящей подо льдом реки!! Морозец в 6—7 градусов не сильно и донимал. Я поставил «нодью» – таежную печь из двух бревен положенных друг на друга. Середина бревен тлела и грела пространство вокруг. Даже жарко было, пришлось и «тулуп» снимать.

Наутро собирая жерлицы, оставленные на ночь, я вытащил двух небольших налимов. Рыбачить мне было можно только до обеда, надо было идти к автобусу, чтоб ехать домой, выходить на трассу.

Поэтому больше я жерлицы не ставил. Я рыбачил на блесну и не безуспешно. Горбатые окуни попадались довольно крупные, некоторые грамм по 300, наверное. Так я открыл сезон «жерличный» в тот год.

Собачка

(продолжение жерлиц)

Местным волжским рыболовам, наверное, известно, что «Собачка» – это название старицы на реке Ветлуга. Это место так названо, – потому что река нашла, пробила себе прямое новое русло. И осталась старица кольцом, как собачкой (термин из металлических конструкций) прикрепленная к реке. Приезжают сюда и из Нижнего Новгорода и из Чебоксар и конечно вся Марийская республика. Поехали и мы с друзьями.

Изначально дорога была хорошая по асфальтированной трассе. А вот как свернули в лес, пошла наезженная глубокая колея с ямами, наполненными водой. Трудная дорога, тяжелая, но все-таки наша машина «нива» пробралась к месту. Выехали мы на самую «собачку». До Ветлуги надо было ехать по льду самой старицы. И след вроде был, колея такая ровная посередине. Мы решили рискнуть, немного перекурили на берегу и тронулись на лед. Когда въезжали на лед, раздался гулкий треск, все-таки груз немалый: в машине нас было четверо, да еще ящики и буры.... Как бы там не было проехали мы без проблем до самого устья старицы с Ветлугой. Машину загнали на пологом берегу в снег, чтоб не на льду стояла....

Оглянулся я вокруг, осмотрелся, – рыбаки сидели и на са-

мой «собачке», а тропинки тянулись к реке. Пошли мы вниз по течению, и сразу перешли на другую сторону реки, к крутому берегу, на глубину. Река Ветлуга небольшая, но с быстрым течением. Рыбаки сосредотачивались по заливчикам, по ямам. И ловили рыбу разную. Изобиловали окуни, была и сорожка. На течении стали попадаться берш, судак, и лещи.

Но самое интересное я увидел жерличника. Про него и хотелось мне рассказать. Небольшого роста коренастый, почти квадратный мужичок, на вид около пятидесяти лет, ходил в большом заливе. Свои жерлицы он наставил в шахматном порядке от берега до границы ямы залива с руслом. Сам сидел рядом с «канной» и ловил мелкую рыбу для живцов.

Прошел я мимо него вниз по течению. В заливе около коряг попробовал ловить на мормышку, но брали только маленькие окуньки, поэтому в поисках крупной рыбы я отошел еще ниже к повороту реки. Клева не было и там. Тогда я вернулся назад. В самый обед, когда надо перекусить я увидел что на берегу, под крутизной разгорелся костер. Это, видимо, «жерличник» пошел на обед. Вот мы и познакомились. Он гостеприимно разрешил мне погреться у его костра. Разговорились, конечно, о рыбалке и о погоде....

Немного рассказал я о себе, что из города приехал с друзьями и здесь первый раз, поэтому не знаю где найти уловистые места.

«Трудно – говорит мне Жека, так он представился. – Да

и идти далеко надо, там ниже, за поворотом, речка мелкая впадает и рыба там есть. А я вот эту ямку с лета приметил, щука здесь есть, точно знаю».

Жека был местный. Тут же рядом с его рюкзаком лежали широкие охотничьи лыжи. Поселок находился в километрах десяти, как я знал, по трассе, а по лесу на лыжах ближе было в два раза, так и ходили местные на рыбалку. Хорошо, что я узнал много про рыбные места у местного жителя. Когда я вернулся к своим, которые разбрелись, было, рыбачить кто куда, а на обед к машине подошли. Я сообщил им про новое рыбное место. Решили ехать по льду. Лед был толстый, с полметра и больше местами. И мы быстро собрались и поехали. Но когда проезжали мимо Большой ямы, где Жека рыбачил, резко остановились и бросились ему на помощь. Мужик засунул руку в лунку и громко кричал: «Помогите». Мы стали вырубать лед вокруг. У нас было два топора. Поэтому лед вырубили быстро и Жека, пытался достать огромную щуку, но не мог, так что нам пришлось помогать и в этом. Когда рыба была извлечена на лед, Жека разжал и выпустил из рук багорик, которым подцеплена была за жабры чудо щука. Она, хвостом опираясь о снег, высоко стала прыгать, обдавая всех нас брызгами мокрого снега. Двое ребят навалились на рыбу, а третий топором пристукнул ее со всей силы по голове. Успокоенная щука предстала во всей красе. Толстая как бревно, огромная в рост Жеки, наверное, метр пятьдесят была чудо щука, и весу в ней было 18 килограммов.

Взвешивать ее человек залезал на капот машины, «безмен» у нас был на 20 кг., ручные весы с крючком.

А Жека наш, поранил руку, так что на льду было много крови. Руку мы ему перевязали. Он сразу же засобирався домой. Привязал веревкой щуку, через жабры, замотал ей рот тряпкой, чтобы снег не набирала, и волоком потащил ее к лесу к своей лыжне домой. Я все время помогал ему собираться, а ребята уехали вниз по течению, искать рыбное место.

Проводив Жеку и я пошел искать своих.... Мои друзья нашли втекающую маленькую речушку и около ее устья нашли скопление рыбы. Ловили они разных рыб, и окуней и сорожку и густерку. Но и они, мои друзья задумались: как наловить или поймать хоть одну большую щуку, какую они видели.... К вечеру собрались все на берегу около костра, – уж сколько было разговоров о щуках..., но распотрошив рюкзаки, мы не нашли похожей на жерлицы снасти.

Посидели, поскребли в затылках, и тут я вспомнил одну нехитрую конструкцию, которую вычитал когда-то еще в советском журнале «Рыбоводство и рыболовство». Краткая суть самоделки была в том, что в торец деревянного стержня крепилась спица с флажком, а на другой конец стержня наматывался капроновый шнур с подлеском и металлическим поводком. Шнур – для того чтобы грубая леска не топорщилась и не свивалась в «бороды» из-за малого диаметра стержня. Снаряженный стержень ставился на те же велосипедные спицы, продетые крест-накрест в просверленные отверстия,

где-то посередине. Во время хватки хищника снасть опрокидывалась в лунку и опиралась на эти спицы-опоры, а поднятый флажок в торце стержня сигнализировал о поклевке.

Все было просто, как все гениальное.... И мы начали сооружать снасти, – такие, что проще уже не куда. Нашли мы на берегу сучкастую сухостоину, нарубил ветки и попробовали сделать конструкцию, которую я нарисовал на листке бумаги.

На ночь мы выставили три штуки, остальные три решили ставить утром. Ночевали в машине и почти не спали в эту ночь, – легкоморозную ночь под звездами прекрасно провели мы у костра.

Щук мы все-таки поймали, снасти работали, как ни в чем не бывало. Было даже два обрыва шнура, видимо крупной рыбой, или шнур, изготовленный из распущенного канатика, был слаб....

Теперь жерлицы я всегда беру с собой, в рюкзаке 5 штук всегда лежат.

Конец.

Исторические рассказы о рыбалке

Константин Алексеевич Коровин (1861 – 1939), выдающийся русский живописец, признанный новатор театрально-декоративного искусства, оставил и богатое литературное наследство. Коровин с 1922года в эмиграции во Франции. Значительную часть литературного наследия составляют очерки-воспоминания о милой и далекой Родине. И большая часть воспоминаний составляют сюжеты об охоте и рыбалке. Рассказы Коровина очень живописны, он восхищается природой: лесами, водоемами, зверями, рыбами. Но не следует ждать от рыболовных очерков детального описания рыбацкого снаряжения и способов ловли отдельных рыб. Новеллы звучат, как ностальгия, как грусть по Родине.

Вот, например, некоторые выдержки:

«Серое небо. Ровными рядами идут синие тучи. В свежести воздуха и в запахе дыма от овинов что-то бодрое входит в душу. В саду у меня пожелтели листья клена и легли на деревянную лестницу террасы. Ровно стоят стога скошенного сена по лугу. Черной стаей грачи перелетают по сжатому полю. Свежий день...».

«Воздух, как струя живая, наполняет грудь. С проселка я перехожу сжатое поле, спускаюсь вниз под горку. С краю бугра краснеют кусты рябины и, перелетая, трещат дрозды. Внизу, в кустах ивняка, видны желтые мелкие камушки ру-

чья. Быстро бежит вода. И как она чиста! Останавливаются глаза, и смотришь почему-то долго на дно ручья. Иду у заросших кустов, среди них видны бочажки...».

«В круглом небольшом бочаге плеснуло у самого берега. Что-то странное я увидал – точно большой мешок, в темных пятнах, ворочался в воде у самого берега. Половина мешка ушла под берег, и чудовище вертело широким, как лента, хвостом.

«Сом, – подумал я, – из реки зашел».

Я опустился и ногой в сапоге толкнул его. Сом повернулся в омутке. На огромной голове – белые маленькие глазки в упор смотрели на меня.

– Откуда ты пришел, леший? – сказал я.

Он, повернувшись, опять ушел под берег. Ручей был мелок – как он мог попасть туда?

«Вот, – думал я, – приедут приятели мои, буду показывать сома».

Далее рассказ Коровина идет об охоте, как он подстрелил дупеля и все в этом духе. Но он рассказал своим друзьям об этом соме:

«Как-то в Москве зимой, вечером, в компании друзей, кто-то сказал про одного знакомого: «В тихом омуте черти водятся». И вдруг вспомнил я деревню, лето, ручей и тот бочаг, где я видел сома, которого хотел выпустить в реку на свободу.

Я рассказал о чуде друзьям своим, охотникам, и они решили поехать в деревню ко мне как-нибудь на праздниках и того сома достать из бочага...».

Через некоторое время сома они поймали и выпустили в реку:

«Возвращаясь с реки в дом, почему-то все мы испытывали приятное чувство – вот отпустили сома на свободу. Как такому чуду жить в маленьком бочаге, пусть живет на приволье, в реке».

Но далее произошло событие, заинтересовавшее Коровина:

«Как-то летом, утром я шел под бугорком у ручья и зашел, пробираясь кустами, посмотреть тот омут. Сел на бережок, смотрю на воду и задумался. Вдруг вижу: наверху воды показалась широкая плоская голова сома. Она медленно двигалась к листьям купавы, на которых сидела зеленая лягушка. Сом брызнул хвостом по воде и пропал.

– А мы-то старались, – сказал я, – тебя отпустить на свободу! А ты опять здесь? Удивление....

При встрече с друзьями я рассказал им, что сом-то с полной водой видать, опять вернулся в маленький омут. Все удивлялись, находили это странным. А охотник-крестьянин Герасим Дементьевич, смеясь, сказал:

– Чудно! Чего, нешто он дурак какой. Ему поди, чай, годов-то сколько. Ишь он какой здоровый. Он знает, где ему

лучше, где сытней. Тута он в омуте, у болота лягушек ест. Ишь он толстый какой! Вы его жалеете, на свободу пускаете, а она ему пошто? Ему в яме-то лучше нравится...».

Встречи

С большой тоской о родине и о России пишет Коровин в своих воспоминаниях и о встречах с рыбаками, об их разговорах простецких.

В наше время, в одном из приволжских городков, на рынке, образовалось такое местечко встреч и разговоров рыболовов разных мастей. А торговали тут, на рынке в углу разными рыболовными снастями. На прилавки-столы разложены были мормышки, блесна, удочки зимние. Тут же продавали мотыля, по коробку. И были в продаже и ящики рыболовные и сетки даже, ну и буры, ножи к ним и прочее. Рыбаки тут собирались не только чтобы что-то купить. Но рассматривали, выбирали, приценивались. А в основном разговаривали, быстро знакомились и делились своими опытами. Один ездил в выходные на такое-то место рыбалки, другой на озерах был, – где что поймали, где что клюет и на что клюет и какие блесны – желтые или белые нужны....

В Москве дореволюционной тоже были такие места. И Коровин с ностальгией вспоминает:

«А найду-ка я, думаю, – неподалеку в лавочку к Березину. Там всегда собираются по весне особые люди – рыболовы на удочку».

У Березина в лавочке висят веревки, сети и как лес стоят камышовые прутья. В шкафу висят разноцветные поплавки

заграничной работы, а на прилавке в ящиках под стеклом синие стальные крючки разных номеров. Дальше, в комнате Березина, горит лампа, сидит приятель мой Василий Княжев и правит на спиртовой лампе тонкие концы камыша для удилищ. Кругом сидят какие-то люди – мастер железнодорожный, чиновник пробирной палатки, служащие детского приюта, не стриженный и небритый, знаменитый москворецкий рыболов Сергей Петрович. Простые люди – все страстные охотники-рыболовы. Приходят к Березину посмотреть на реку, которая видна из окон, и поговорить о рыбе, про случаи, которые были в жизни. А случаи всегда были особенные.

Василий Княжев, как только начиналась весна, оживал. Его темные глаза все посматривали вдаль. Он был поэт и бродяга в лучшем смысле этого слова; никакое дело, ни какие деньги не могли удержать его весной....

– Эх, – говорит Василий, в Косине озеро, и вода в ём – вот чиста как хрусталь! Это что еще! И глубина в ём, дна нет....

– Ну и врешь, – говорит немец Планк, – не может этого быть, чтобы дно нет....

– Да вы, немцы, все так... Вам дно подавай, Бога покажи, какой он, из чего сделан. А вот озеро-то мерил монах, так тридцать семь сажен, а рядом двенадцать – это что! Там значит, горы, на дне-то, и ходы разные, и не иначе, что озеро это соединено со святой водой, потому что вода у него синяя. А там недалеко – другое озеро есть, у деревни, в ём вода совсем другая. Вода как вода, а у етого – голубая, да чиста

до чего – удивленье!...

– Это правда, что вода в этом озере, в Косине, точно голубая, – сказал Березин, – его и зовут Святое озеро.

– Не потому оно святое, – перебил Василий, – что вода в ём голубая, а то чудно, что оно целит вот от какого дела, – от горя.... Прямо искупался раз, и готово, как нет, – начисто горе снимает, как не было. Жила его, значит, водяная от сердца земли идет. Вода-то и за это такая в ём. Может, из этой самой воды слеза людская сотворена, может эта вода – слезы радости земной и есть. Ты вот, Карл Андреич, все знаешь, – немец, конечно же грамотнее русского мужика. А вот, слеза-то – чегой-то в человеке?

– там карася фунта на два есть. Какой карася, прямо золотая карася. Какое горе с тебя снимало.... Это пустяка дурацкая... – говорит Планк.

– Нет, постой, – не сдавался Василий. – У тебя горе свое, а у меня свое. Постой. Вот скажи – рога тебе баба ставила? К примеру.

И Василий посмотрел пристально на Планка в ожидании ответа.

– Что ты, с ума сошла, какие рога? Эмма Августовна разве станет такой пустяки думать?

– А я вот женат был, тряхнул головой Василий. – И так жену любил..., что вот глаз отвести не могу, все на нее гляжу. И деньги были у меня. А она ушла по весне с жуликом.... И прямо места не найду, – вот «горе есть».

Да меня в Косино и отвез монах один. Я прямо разделся, да в озеро. И сразу у меня все, как не бывало. Прошло.... И горя нет. И домой не пошел, при монастыре трудником и остался. Но она меня нашла. То ли, сё ли, говорит, давай жить опять, я тебе не изменяла. А я на нее смотрю, и узнать не могу. Нарядилась она вся, да шляпу надела такую что.... А я смотрю, пристально смотрю и думаю: «Кто это? Какая-то другая, чужая». И говорить с ней не могу более: скучно стало.... Вот вода-то в Косине – все смывает... Чистота такая ее, что всю грязь с души выполоскала....

– Это верно, сказал Поплавский, рыболов наш именованный, – Вот меня дома бранят все, и жена, и сыновья, все за рыбную ловлю. Одно спасенье: уйду на речку и живу на берегу. Посидишь с удочкой, ну и полегчает. В реках есть это тоже: с водой-то речка тоже горе уносит. Да вот теперь пост Великий, Страстная скоро. Никак нельзя. А то хорошо в грусти жизни и Нежинская рябиновая водочка. Тоже помогает... Я как что – ею и спасаюсь. И вот что я заметил и от всех, можно сказать рыболовов слышал, – какие кренделя получаются. Выходит так: как с собой кто коньяк или ром возьмет, ни черта не выходит, что такое... только рыба не берет. А вот, ежели Рябиновая или просто вот Смирновка, белая головка, – идет. Прямо берет рыба! Слышит, чувствует, что ли она? Только прямо скажу, что лещ любит водку. Я его всегда ловлю под Хорошевом, ловлю выпивши... Трезвый, что хочешь, – не идет нипочем....

Толстый немец Планк смеялся...

– Это же что же такое? Я там и пьяный ловил, и трезвый – ничего не попал. И что такое русский голова только выдумает, такой чушь.... И верит... Смешно.

– А ты не веришь, Карл Андреич? – спросил его Василий.

– Конечно, такой чушь верить невозможно.

– Ну, а помнишь, ты на Сенеже тонул пьяный?

– Это верно – тонул, помню.

– Когда выпили мы две четверти, у тебя в лодке оставили их пустые. Когда волна лодку твою опрокинула, кто тебя спас? Эти пустые бутылки. За них ты держался....

– Это была правда.

– Я их закупорил, – сказал Василий. – И оставил в лодке. Подумал: пьяный, в такую волну едет, бутылки то пригодятся.

– Это верно, согласился Планк, – без бутылка бы утонул.

– Вот то-то!

– Так то так, – сказал чиновник пробирной палаты. – А вот это, что есть? Весна, река пошла. А мы вот зашли к нему в лавочку, к Березину, – готовимся. Охота в нас сидит, страсть эта к рыбе, к реке, к воле. Нешто рыба нужна нам? Ее сколько хочешь в Охотном ряду купишь. Нет, другое есть что-то.... Другое манит. Идешь к речке и думаешь: там, на реке вечер и утро, рассвет, заря – красота такая. Как-то вроде и жить без нее не стоит, без красоты этой....

– Да, – согласился и железнодорожный мастер, – дело

это – рыбу удить, – пустое. Я не говорю никому, а то засмеют. Жена, знакомые на меня сердятся за это».

И свою историю рассказывает железнодорожник. О том, как рыбачил и как повстречался на рыбалке с самим Царем, Государем императором.

Да. Бывают и в наше время интересные случаи и встречи на рыбалке.

Конец.

Рыбачькие чудеса

Чудеса случаются редко, иначе к ним привыкнут, и они уже не будут чудесами.

Да и время сейчас не то, не для чудес. Водяные, кикиморы, шишиги разные, – собрали свои пожитки в волшебные узелки и покинули поля, болота и речки, где им стало неудобно. Леший тоже плюнул на свою службу по охране лесов, и ушел в бессрочную спячку. Живая природа на наших глазах умирает. Она отравлена ядовитыми сбросами и выбросами, в реках рыба выбита достижениями «модернизации» – электроудочками, а в лесах мощными скорострельными ружьями. Природа уступает дорогу миру машин, которые движутся везде: и в воздухе....

С каждым годом наше лето преследует жара. Может это тоже аномальное изменение климата. В самую жару я взял отпуск и поехал в деревню к знакомым своим отдыхать и порыбачить. Но что такое рыбалка на жаре?! Это добровольная попытка – сидеть у снастей на солнцепеке.

Рядом с деревней, по лугам были пруды, одни искусственные, а другие соединялись маленькими протоками с речкой. И в прудах водились караси и карпы. Но в жару и карп тоже не клевал, хотя, казалось бы, рыба теплолюбивая, зимой вообще впадающая в спячку, зарываясь в донный ил. Но, видимо, и для него был перебор с теплом. Прохлада была толь-

ко рано утром и ночью. Выловишь на заре несколько карпят и все. И я заскучал, мучаясь от зноя.

Увидев меня на берегу пруда, ко мне подошел сосед с удочкой.

– Есть предложение, – вяло выплевывая окурок, сказал Николай, благо был выходной день для него.

– Ну, – отозвался я неопределенно и столь же вяло, разомлевшим от жары голосом.

– В трех километрах отсюда есть прудик карасевый. У речки почти. Рыба там некрупная, но хоть что-то можно половить, а то в этом болоте и лягушки повымерли. Да и голо здесь, ни кустика. Спрятаться от солнца негде. А там деревья по берегу старые стоят. Если и клевать не будет, хоть в тени можно подремать....

– Идет – сказал я, и мы немедленно отправились на новое место рыбалки.

Пруд был протяжный, будто расширение реки. Нас поразило наличие рыбных стай. Они хорошо просматривались с обрывистого берега в неглубокой воде пронизанной солнцем. На берегу действительно стояли деревья.

Устроившись уютно в тени, мы уже предвкушали отчаянный клев пусть и недомерков-карасиков. Но наши поплавки покачивались только от прыжков нахальной верховки. Так и просидели остаток дня.

Было время поговорить, и я рассказывал соседу о том, что

такое – писатель. Хотя это занятие не было моей профессией, но сочинительством я занимался с детства.

В школе я ходил в литературный кружок (так тогда назывались факультативные занятия). Все были увлечены стихами, поэзией, все сочиняли какие-то свои вирши-стихи. Потом я встречался с писателями, которые в те времена приходили в школы и разговаривали с ребятами. Мои стихи печатали в Пионерской правде и в журнале «Уральский следопыт». В детстве к писательству побуждало романтическое настроение души. А сейчас я уже имел опыт и знал, что это не простое дело – быть писателем. Об этом и о многом другом мы незаметно проговорили до самого вечера.

Едва солнце повернуло на вечер и скрылось за деревьями противоположного берега, – как поплавок соседа лег набок, потом накренился неуверенно и пошел под воду.

– Подсекай Николай – толкал я собеседника, первым заметив поклевку.

Тот спохватился и поддернул удилище. Есть! На леске трепыхался «золотой», или по виду, медный, карасик величиной с ладонь. Но и этому мы были рады. Вскоре заклевало и у меня. Попадались и «серебряные» карасики. Они брали увереннее и некоторые казались покрупнее.

Есть некоторая особая прелесть в ловле карася, хоть и не крупного. Он, карась, какой-то плотный, похожий на деревенского мужичка, – крепкий в теле, крупночешуистый.

И даже размером в ладонь, то он более желанен, чем такая же размером сорога, потому что карась широкий почти во всю длину.

И поклевка карася другая, схожая с поклевкой леща, и оттого, наверное, заставляет учащенно биться сердце. Вот гусиное перо (поплавок), плавно ложится на воду, трясется, пуская круги, вершинка его приподнимается, а затем опять укладывается набок. Надо ждать, рано. Наконец, поплавок, приподнявшись, решительно уходит под воду, – вот тут – подсечка! На леске сразу – упругая тяжесть, а затем в другой ладони сильно изворачивается крепкая красивая рыбка цвета потемневшего от времени золота!

На закате мы вновь вернулись на большой пруд к деревне, к большой рыбе к карпам. Должны они после дневной жары кормиться и будут клевать! Я прикормил место ловли, кинув скатанные шары покупной фирменной прикормки.

Пришел теплый летний вечер. Солнце заходило налитое алым цветом, как незрелая вишня. В светлом небе растаяли облака и обозначились некоторые звезды. Только на горизонте кучились и ворчали пухлые тучи. В них проблескивали молнии.

– Эх, сюда бы дождичка, – мечтал Николай.

– А я грозы боюсь, – словно похвастался я ему в ответ. До нас дошли лишь отголоски далекой грозы.

– Грозы – они же полосой ходят. Я видел однажды в нашей деревне одна сторона улицы была полита дождем, а на дру-

гой стороне ни капли не упало, как была так и осталась пыльная. — говорил я желая продолжить доверительный разговор с Николаем.

Но поплавки наши оживились, и разговаривать нам не пришлось, мы обратились к своим удочкам и притихли. И скоро в садке у каждого было по карпу: один Николая и второй, поменьше, мой. Рыба пока была не тяжелее трехсот граммов. Но Николай вываживал что-то уже покрупнее.

— Давай-давай, губастый! Иди сюда, — ворчал сосед, мусоля окурок в уголке рта. И он подхватил подсачиком карпа на целый килограмм, если не больше. Вот нам и стали попадать крупные рыбины.

Темнело быстро. Вроде бы пора и нам идти домой. Но мы забыли и об ужине — рыба клевала, словно отъедалась за весь день одуряющей жары. Ловить приходилось почти на ощупь, поскольку грозовые тучи на горизонте — там и устроились на ночлег, закрывая отблески зари. И я вспомнил, что в рыбацкой сумке у меня, в коробке лежат непроверенные и не примененные до сих пор светящиеся поплавки, купленные на всякий случай. Покопавшись в сумке, я их быстро нашел.

Спешно мы переоборудовали снасти и забросили их в прикормленные места. Теперь не надо было махать рукой, чтобы перехватывать леску при замене насадки. Хоть и не очень ярко, но оснастка была видна, да и на воде поплавки проглядывались. А то до этого поклевки ощущались

интуитивно или когда уже реагировало и гнулось удилице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.